

Комм. правда - 1990 - 27 сент.

Михаил Горбачев

о брошюре

Александра Солженицына:

МНЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА

...Что касается публикации работы Александра Исаевича Солженицына. Она заслуживает очень серьезного анализа, оценки, размышлений. Равно как требует этого и сама личность автора. Ограничусь сейчас лишь первоначальной реакцией на этот счет. Прямо скажу, после двукратного прочтения и раздумий над прочитанным меня обуревают противоречивые чувства...

Как русский, воспринимаю боль, тревогу автора за судьбу русского народа, за судьбу России. Однако в то же время, как русский, решительно не могу согласиться с позицией Александра Исаевича в отношении других народов.

...только 30 процентов граждан у нас установлено государственными актами, все остальное решалось местными органами. В каждом из нас заложено восприятие своей страны, во всей ее масштабности, обширности, многоголосьи языков, культур, людей, обличий — это все мы. Мы так выросли. Если и возникают у нас отрицательные комплексы, то в отношении негативных сторон нашей истории, и не только последних десятилетий, но и столетий, — это за счет накопившихся проблем, на которые в свое время демократически не были найдены ответы...

...Как политику мне чужды политические взгляды Солженицына. Он весь в прош-

лом. Прошлая Россия, монархия — для меня это неприемлемо. Я себя чувствую демократом, более того, склонным, так сказать, к радикальным взглядам на сегодняшний день. Но это не мешает, а наоборот, помогает мне сочетать свой взгляд с той великой ответственностью и взвешенностью, которую, я считаю, обязан проявлять, находясь в той роли, в которой оказался по вашей воле.

Сегодня много очень интересных рассуждений, глубоких мыслей схвачено этим несомненно великим человеком. Однако, по-моему, это не спасает статью Солженицына в целом... На нынешнем этапе и, как политик, вижу новую роль и новую ответственность Российской Федерации и русского народа. Обязательно должен в таком сочетании сказать: это происходит потому, что Российская Федерация — это не только русский народ, но и десятки, сотни народов...

Уверен, и сейчас Российская Федерация, русские, где бы они ни жили, верны интернационализму, дружбе, сотрудничеству, открытости, являют огромный потенциал и богатство русской души. Говорю так с гордостью вслед за Достоевским, хотя это и не цитата. Подтверждаю, что все именно так и сегодня, хотя есть и обиды. Но, уверен, все мешающее мы преодолеем, сбросим, потому что мы на правильном пути.

НЕОБХОДИМЫЕ СООБРАЖЕНИЯ

СРАЗУ после недавней трансляции (обсуждение статьи А. И. Солженицына в Верховном Совете СССР) позвонили несколько моих знакомых и поочередно меня огорошили: «Выходит, Солженицын зовет в статье к монархии?» — «Из чего же такое выходит?» — «А ты не слышал? Президент по телевизору про монархию сказал!»

М. С. Горбачева я слышал. Оценки его спокойные и взвешенные, во многом разделяю. Но... Когда раздался третий звонок и третий знакомый «уличил» Солженицына опять же в монархизме, я отчетливо понял — как, собственно, в нашем нестандартно-правовом обществе функционируют мифотворческие механизмы?

Не расслышав — додумать. Не понял — упростить. После чего вынести короткий приговор.

Что происходит дальше, объяснять не надо. Я, к примеру, не удивлюсь, если услышу, будто вермонтский отшельник... настаивает на избрании императора!

Но что, все-таки, сказал М. С. Горбачев? И куда в своей статье «позвал» А. И. Солженицын?

Не вдаваясь в лингвистические подробности, все же подчеркну: из сказанного прямо не может следовать, что А. И. Солженицын зовет к монархии. Ведь даже если согласиться, будто «он весь в прошлом» — то прошлое России это далеко не одна монархия.

Это самоуправление Новгорода и Пскова. Это и богатейший опыт земства. И не менее богатый опыт четырех Государственных Дум. Тут очень поучительный для нас опыт — сколь великих, столь и неудавшихся российских реформ. И опыт удавшихся революций... — он тоже, кстати, из прошлого России.

Но это о том, что было, на мой взгляд, истолковано приблизительно или неточно. Но увиделись в состоявшемся обсуждении также вещи и абсолютно бесспорные, и столь же спорные. Безусловно: статья отнюдь не руководство к бездумному действию. Она заслуживает очень серьезного анализа, так как и предназначена автором для обсуждения. Да, статья вызывает противоречивые чувства. Несколько схематический подход к некоторым сложнейшим проблемам, неоправданная резкость и категоричность могут породить у многих и многих столь же резкую реакцию. (Да уже и порождает сейчас).

Однако при всем том чрезвычайно важным представляется: Президент СССР впервые и в столь высоком собрании назвал писателя несомненно великим человеком.

Ну, а куда же тем не менее зовет несомненно великий человек? Действительно ли он весь в прошлом? Чужд ли А. И. Солженицын демократии, — если исходить не только из собственной логики состоявшегося в Верховном Совете

обсуждения, — но и прежде всего, из самой статьи?

Цитирую статью: «Платон, за ним Аристотель выделили и назвали три возможных вида государственного устройства. Это, в нормальном ряду монархия, власть одного; аристократия, власть лучших и для лучших целей; и полиция, власть народа в малом государстве-полисе, осуществляемая в общем интересе (мы теперь говорим — демократия)»...

...нельзя сказать, чтоб у нас был широкий выбор: по всему потоку современности мы выберем несомненно демократию» (здесь и далее выделено мной. — А. А.).

Однако, откуда-то монархия «выскочила»? Из чего же? Она выскочила, опять, из нашей наследственной предрасположенности к мифотворчеству.

Нынче модно прибегать то и дело к западному опыту (и как раз к тому, что для многих когда-то «кое-чем попахивало»). Но вот когда мы в собственный исторический опыт заглянуть пытаемся, то тут уж держись — и до сих пор! — кто-нибудь непременно, за спиной, да скажет: ага! понятен интерес! А не попахивает ли здесь реакционным самодержавием?!

Вот для тех, кто принюхивается из-за спины, опытный-преопытный автор, вероятно, и заготовил пояснение: «Много лет занимавшийся государственным историей предреволюционной России, я использую тут опыт наших лучших прак-

тических деятелей и умов, соединенный с моей сильной разработкой. Разумеется, тот опыт не может быть просто перенесен в сегодняшнюю разрастающуюся страну».

Я использую тут и предреволюционные русские понятия и выражения, чтобы не строить еще третий ряд. Какие-то из них жизнь заменит, другие — приживутся». Вроде бы тоже ясно: использует опыт; использует понятийный аппарат; опыт и понятия для автора — не цель (назад, к земству), а средство (присмотритесь!).

Столь же предусмотрителен опытный писатель и на случай обвинения его в националистическом или даже имперском уклоне (и ведь автор прозорлив — мне и такое суждение о статье уже пришлось услышать!). Цитирую статью: «Я с тревогой вижу, что пробуждающееся русское национальное самосознание во многих доле своей никак не может освободиться от пространно-державного мышления, от имперского дурмана...».

Конечно, автор и не думает умалчивать, что он человек русский — и по рождению, и по самосознанию. Но что в том одном предосудительно — в том, что мы все разные: один русский, другой украинец, третий армянин или еврей? Конечно, какие-то советы и аргументы писателя по межнациональным отношениям представляются анахроничными, отвлеченными или несправедливыми — но ведь не закон или какую-то модель

он нам, в самом-то деле, навязывает, не партийную или правительственную сочиняет программу, он — высказывает сильные писательские соображения... И нет тут ни гордыни. Ни уничижения паче гордости. Просто его статья есть не политическая, но литературно-философская работа.

И было бы очень странным, если бы суждения столь большого писателя, как А. И. Солженицын, и столь крупного политика, как Президент СССР, — буквально во всем совпали. Тут что-то было бы не так: либо политик, либо писатель отступили бы от своего кредо... Вспомним, кстати, известный ответ нашего соотечественника Президенту США, когда тот пригласил к себе «диссидента Солженицына»: «Я не диссидент. Я русский писатель».

Замечу, кстати: у нас, по-моему, единственный в мире парламент, где обсуждение литературной статьи может проходить с бранью — причем, с участием депутатов-литераторов.

Пространство А. И. Солженицына — литература. А задача данной статьи — не политический призыв к разрушению. Задача не то что скромная, а находящаяся совсем в иной плоскости: «лишь — предложить отдельные соображения, не претендующие ни на какую окончательную, а только предпослать почву для обсуждения».

Возможно ли такое, чтобы А. И. Солженицын — и в чем-то заблуждался? А почему бы

и нет? Он властитель дум многих поколений, он великий писатель, но не человекобог — потому и нет, и быть не может претензий на «окончательность». Надо смотреть глазами не восторженными, а ясно открытыми, — говорит он резонно по поводу опыта западных стран. Но, в общем-то, здесь емко сформулировано универсальное правило, применимое и к нему самому. Причем, если не изготавлять себя заранее к восторгу, тогда легче избежать попадания и в другую крайность: ах; дескать, если это не Евангелие, то и нечего читать!

При всей суровости каких-то суждений и крайностях, работа эта, мне кажется, по своему взвешенна, удивительно сбалансирована. Ведь даже не коммунизм как таковой (излюбленная автором тема), не революция, не самодержавие, не опыт земства или Государственной Думы, — словом, отнюдь не прошлое в этот раз в самом центре внимания писателя. Все это он использует лишь как материал — для размышлений о завтрашнем дне своего Отечества. «Попадальше вперед» — обозначает он целую, вторую половину статьи. «Давайте искать» — называет он последнюю главу. Так разве он в прошлом? Разве он, весь, — не в будущем?

Александр АФАНАСЬЕВ, политический обозреватель «Комсомольской правды».

Продолжение разговора читайте на 2-й стр.